

Инесса Логинова

Русский вокализм в зеркале европейских звуковых систем : типологическое и специфическое

Studia Rossica Posnaniensia 34, 57-68

2008

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

РУССКИЙ ВОКАЛИЗМ В ЗЕРКАЛЕ ЕВРОПЕЙСКИХ ЗВУКОВЫХ СИСТЕМ: ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

THE RUSSIAN VOCALISM AMONG THE EUROPEAN SOUND SYSTEMS: SIMILARITIES AND DIFFERENCES

ИНЕССА ЛОГИНОВА

ABSTRACT. In this article the Russian vocalism is presented in accordance with the phonetic formation of the word sound structure of which is generally defined by the word stress and the hard-soft category of consonants. Some specific characters of the sound structure of the Russian word in the speech stream which were received after the comparative analysis of the Russian and some European vocalic systems are shown in the paper.

Инесса Логинова, Российский университет дружбы народов, Москва – Россия.

В теоретических описаниях фонетики русского языка, характеризующегося по ряду признаков как *консонантический*, вокализм занимает не столь значительное место по сравнению с консонантизмом. Недостаточное внимание уделяют ему и в практике обучения русскому языку как иностранному. Между тем, роль вокализма в организации русского слова велика как в *грамматическом и морфонологическом* отношении (вспомним, например, проблему заударных флексий, чередование гласных в корнях слов, подвижность ударения при словоизменении и словообразовании и т.п.), так и в *фонологическом, орфоэпическом и орфографическом* (сильные и слабые позиции разной смысловозначительной силы, изменение произносительных норм, правописание безударных гласных), а также в *прикладных областях* (анализ и синтез речи, преподавание РКИ, телефония и связь, распознавание диктора по голосу и пр.).

Известно, что *гласные и согласные составляют два основных класса звуков речи*, каждый со своей функцией в речеобразовании, и это функциональное деление универсально. Исследуя экспериментально *роль вокализма*

и консонантизма в фонетическом строении русского слова, Л.Г. Скалозуб установила, что в артикуляторной динамике речеобразования „признаки, по которым различаются гласные и согласные, объединяясь и составляя слог, обнаруживаются как сосуществующие по принципу взаимного исключения [...]. Согласные и гласные по-разному участвуют в образовании слога: согласные конституируют слог, определяют качественные различия слогов, гласные организуют, конструируют слог, обеспечивают его единство и звучность [...]. Взаимное «проникновение» и сосуществование консонантных и вокалических модальных признаков в согласном и гласном является естественным следствием единства слога, а также артикуляторной целостности слова”¹. На этом основании Л.Г. Скалозуб строит принципиально новую, единую для гласных и согласных *классификацию звуков и слогов русской речи*². Кроме того, гласные как тоновые звуки являются основной *зоной реализации силлабо-словесно-фразовой просодии* (слогового акцента, словесного ударения, фразовой интонации). Поэтому вокализм обеспечивает артикуляторное единство и целостность не только слова, но и синтагмы, и высказывания – то есть, потока речи. Как же осуществляется эта важнейшая речевая функция в разных языках?

Ответ дает *фонологическая типология языков*, учитывающая *роль гласных и согласных в звуковых цепях и фонологической системе, способ звуковой организации слова, синтагмы и фразы*. Европейские языки типологически сходны не только преимущественно *консонантическим* характером звуковых цепей, но и использованием просодических признаков для оформления слова и фразы: подавляющее большинство европейских языков являются *акцентными* (слово организовано словесным ударением) и *интонационными* (определенные значения звучащего высказывания выражаются просодическими средствами).

Однако характер просодических систем (в частности, словесной просодии) специфичен в отдельных языках, что отражается и на системе вокализма. Так, *русское разноместное и подвижное ударение* может выполнять *слово- и форморазличительную (дифференцирующую) функцию*, например: *пи́ли – пи́ли, сы́ры – сы́ры, туш’у – ту́шу* и т. п. В связи с этим „место ударного слога в слове” чрезвычайно значимо и должно быть ярко выражено. Действительно, сильный контраст ударного и безударных слогов по длительности и напряженности обеспечивает *централизующую (кульминативную, вершинообразующую, выделительную) функцию* русского „сильно центрированного” словесного ударения и делит русское слово на предупредную и заударную

¹ Л.Г. Скалозуб, *Динамика звукообразования (по данным кинорентгенографии)*, Киев 1979, с. 122.

² Л.Г. Скалозуб, *Артикуляторная динамика речеобразования (экспериментально-фонетическое исследование на материале русского языка)*, автореф. дисс. ... д-ра филол. наук, Киев 1980, таблица между с. 28–29.

части, различающиеся степенью выраженности многих фонетических процессов: „*двуступенчатой*” *качественно-количественной редукцией* безударных гласных, дистрибуцией оттенков [j], наличием-отсутствием второстепенной ударенности и т. п. Произвольное (или ошибочное) перемещение словесного ударения, меняющее весь звуковой облик слова, в том числе и редукцию гласных, может либо изменить значение, либо разрушить его.

В свою очередь, степень редукции иногда тоже может выполнять дифференцирующую функцию, ср.: *рассказал о маме* [р'ьскас'алам'ами] – *рассказала маме* [р'ьскас'альм'ами], *увидел аппарат* [ув'идилапар'ат] – *увидела парад* [ув'идильпар'ат] и т.п. В своем учении о пограничных сигналах в речи Н.С. Трубецкой назвал эту функцию *делимитативной (словоразграничительной)*. В русском языке она ограничена позицией сандхи (межсловесным стыком).

С другой стороны, безударные редуцированные гласные, представляя собой *фонологически слабую позицию „нейтрализации”* (наименьшее различие фонем), снижают опознавательную роль фонем в составе слова, что приводит к неразличению слов и словоформ, например: [студ'ентъм] – „студентам” и „студентом”, [думъ] – „думай” и „думой”, [п'льив'ой] – „полевой” и „пылевой”, [краснъ] – „красный” и „красной”, [сини] – „синий” и „синей” и т. п. Это затрудняет и понимание (вне широкого контекста), и написание и требует специального обучения. Как известно, представители Московской фонологической школы (МФШ) придают большое значение этим явлениям, называют такие позиции *сигнификативно и перцептивно слабыми*, а представленные в них аллофоны – *вариантами* (А.А. Реформатский и др).

Вариантность особенно характерна для русских гласных фонем *неверхне-го подъема* [e], [o], [a], сильно меняющих свой тембр в безударных позициях из-за сокращения и невозможности для инертных органов речи в короткое время (до 30 мс) осуществить „полную” артикуляцию гласного, в связи с чем в безударном вокализме утрачиваются гласные среднего подъема, заменяясь в основном верхними гласными, близкими по своей закрытой артикуляции к согласным. Исключение составляет лишь открытый безударный [a] в I степени редукции как вариант фонем [a] и [o] – явление „аканья”. При этом реализация фонемы [e] почти до середины XX века была представлена в нескольких вариантах, соответствующих *двум нормам литературного произношения*: старомосковских [и^o] – [ы^o] (соответственно после мягких и твердых согласных) в I степени редукции, [ь^и] – [ь^а] – во II степени и старопетербургских [e^и] – [э^и], [ь^e] – [ь^э] – *московского „иканья” и петербургского (ленинградского) „эканья”*.

Во второй половине XX века в процессе слияния двух норм в безударном вокализме победило „иканье”³, что привело к сокращению количества алло-

³ Л.А. Вербицкая, *Русская орфоэпия*, Ленинград 1976.

фонов гласных до двух: открытый и-образный звукотип после мягких согласных и открытый ы-образный, близкий к [ъ], – после твердых. Это значительно упростило систему безударного вокализма, который *в учебных целях может быть представлен в 4-х звукотипах*: 3-х верхних [и], [ы] / [ъ], [у] и одного нижнего [Λ] / [а]⁴. Тембровое сходство [ы/ъ], [Λ/а], ведущее к устойчивому неразличению этих аллофонов и русскоговорящими, и иностранцами, позволяет считать [ы/ъ] единым звукотипом с выбором знака [ы] для учебной практической транскрипции в нефилологической аудитории и единым же звукотипом [Λ/а] с выбором транскрипционного знака [а] без обозначения ударения.

Вместе с тем, сокращение числа вариантов фонем в слабых позициях повышает степень нейтрализации, а следовательно, *снижает смысловозначительные возможности гласных фонем в безударных слогах*, ибо 5 (согласно МФШ) или 6 (по ЩФШ) гласных фонем, различающихся под ударением, в безударных позициях представлены всего тремя вариантами после твердых согласных ([а], [ы/ъ], [у]) и двумя после мягких ([и], [у]) при нейтрализации: (а, о, ы, э) – [ы/ъ], С' (а, о, и, е) – [и].

Приведенные примеры смысловозначительной способности как места ударного слога в слове, так и качества гласных доказывают *неслучайность редукации*: это не просто физиологическое ослабление кратких гласных, а закономерная вариативность фонологических единиц – *аллофония*. Системность этого процесса подтверждается *абсолютной предсказуемостью качества безударных гласных* в зависимости от места ударного слога в слове.

Разноместность и подвижность русского словесного ударения обусловливает непостоянство качества гласных в одной и той же морфеме в процессах словоизменения и словообразования, что приводит к *варьированию звукового облика морфемы*: *филолог* [-л'оль-] – *филология* [-лал'о-] – *филологический* [-лъя-]; *дорого* [д'оръ-] – *дороже* [дар'о-] – *дорогой* [дъя-] – *дороговизна* [дъяръ-] и т.п. Это вызывает серьезные проблемы у естественных носителей языка в овладении орфографией (ведущим принципом которой является „фонематический” или „морфологический”, обеспечивающий единообразие написания морфемы при сильном аллофоническом варьировании ее звукового состава), а при изучении РКИ – в фонетико-графическом оформлении слова как в устной, так и в письменной речи, а также в понимании звучащей речи. Проблема восприятия усложняется наличием так называемых исторических чередований гласных и согласных в морфеме, например: *воз* – *возить* – *возу* – *вёз* – *везу* – *везти*; *набрать* – *набирать* – *набор* – *наберу*; *весело* – *весёлый* – *веселье* – *веселить* и т.п.

Таким образом, *основной функцией русского словесного ударения становится словоконституирующая* функция при производстве речи и обратная ее сторона – *словоопознавательная* функция при восприятии слушающим

⁴ И.М. Логинова, *Описание фонетики русского языка как иностранного (вокализм и ударение)*, Москва 1992.

(Л.Р. Зиндер): ударение является подлинным „хозяйном” слова („фонетического слова”), регулируя редукцию всех гласных; ударение создает слово как его „фонетический цемент” (И.А. Бодуэн де Куртенэ). Осуществляется же основная функция путем выполнения других вышепоказанных функций: центрирующей, выделительной, дифференцирующей и частично делимитативной; фонетическими средствами для этого служат длительность, напряженность и качество гласных, а также место ударного слова в словоформе. (Здесь опущены вопросы акцентологии имени и глагола, связанные с подвижностью ударения, как выходящие за рамки статьи и имеющие богатую традицию описания). Это делает русское ударение *индивидуальным признаком каждой отдельной словоформы* (Р.И. Аванесов), условием ее *потенциальной изолируемости, самостоятельности* в речи (Е.Д. Поливанов) и важнейшим *компонентом полноточности слова*: снижение степени полноточности (в плане содержания) сопровождается снижением степени ударности (в плане выражения), что проявляется в замене главного ударения на второстепенное разных видов или в утрате ударения⁵. Ср.: 1) Ты б"удеши на лекции? – Б"уду. Я б`уду слушать; 2) Он д"олжен мне (100 рублей). – Он д`олжен б`ыл прийти; 3) Кто это? – Мой бр"ат. – Т`ы брат [брът], не[ни] спеш`и! (где „не” – проклитика, а „брът” – частица, энклитика); 4) Клитки в составе „фонетического” слова: на[нъ] столе, хоть[хът`] сейчас, иди же[жъ], скажи-ка[къ] и т.п. Таким образом, русское словесное ударение – это одно из средств создания полносемантического слова как самостоятельной, отдельной базовой единицы языка.

Типология словесного ударения в акцентных языках довольно разнообразна и функционально, и фонетически, и морфонологически. Первое, что лежит на поверхности для любого говорящего – это *место ударного слога* в конкретной словоформе. Русскому языку (как и болгарскому, итальянскому, английскому) со свободным, разноместным ударением противопоставлены многие европейские языки с *фиксированным, связанным ударением*: на первом слоге (чешский, словацкий, сербохорватский, венгерский), на предпоследнем (польский, албанский), на последнем. Такое ударение *не может дифференцировать* слова и словоформы, а лишь *делит поток речи на слова* (делимитативная функция); не образует оно и сильного ритмического центра слова, обеспечивающего контраст ударного и безударных слогов: как правило, делимитативное ударение *не вызывает редукции* безударных гласных и облегчает восприятие слова в потоке речи.

Фиксированному ударению так же, как и разноместному, может быть свойственна *подвижность* при словоизменении и словообразовании, но вызвана она исключительно морфонологическими причинами, характером грам-

⁵ См. И.М. Логина, *Описание фонетики русского языка...*, указ. соч.; ее же, *Secondary Word Stress in The Rhythmic Word Structure*, „Proceedings of The XIIIth ICPhS”, Stockholm 1995, vol. 4.

матического строя, например, аффиксацией. Качество гласных при этом не меняется. См., например, в польском: *b'ilet* – *bi'lety*, *l'ekarz* – *lek'arza*, *czytać* – *czyt'amy*, *rozumieć* – *rozumie'emy* и т.п.

К языкам с фиксированным ударением отчасти приближаются немецкий и французский, хотя просодическое оформление немецкой и французской речи очень разное. *Преимущественная фиксированность немецкого ударения* в начале слова вызвана не механической причиной отсчета слогов (как, например, в чешском), а морфологической: исторически в германских языках корневая морфема выделяется сильным ударением чаще всего на первом слоге. „Отделяемые” префиксы (*ab-*, *aus-*, *ein-*, *zu-*, *zurück-* и т.п.), получающие главное словесное ударение в сильных позициях, а также „тяжелые” суффиксы (*-bar*, *-keit*, *-schaft* и др.), не меняющие качества гласных и воспринимающиеся с некоторой степенью ударности, вместе с частыми второстепенными ударениями в сложных словах, практически *не оставляют возможности для редукции гласных*: редуцируются лишь две „неотделяемые” приставки *ge-* и *be-*, произносимые с „нейтральным” [ə]. Большое количество ударных слогов в речевом потоке, гласные полного образования и *динамический характер* ударения придают четкий ритмический рисунок немецкой речи, причем *главное словесное ударение чаще всего предшествует второстепенным*.

Во французском языке слово не имеет своей постоянной просодической характеристики, а получает ее только в составе „ритмической группы”. Такое ударение принято считать *фразовым*, а не словесным. При этом каждый нечетный слог, считая от конца ритмической группы, несет еще *второстепенное ударение, которое всегда предшествует главному ритмическому*. Поэтому французская речь отличается примерно равномерным чередованием ударных и безударных слогов при легком *повышении тона на ударных* и полном *отсутствии какой бы то ни было редукции* из-за сильной напряженности французской артикуляционной базы.

Что касается языков со „свободным” словесным ударением типа болгарского или английского, то просодическое оформление слова в них тоже значительно отличается от русского, поскольку в таких языках больше возможностей для разнообразия ритмической структуры слова. Поэтому при типологическом сходстве (принадлежность к языкам акцентного типа) обнаруживается много специфического в средствах выражения ударности.

По организации системы гласных фонем наиболее близок к русскому языку болгарский, но функционирование вокалической системы в болгарском языке иное, чем в русском. *Словесное ударение в болгарском динамическое* по способу просодического выражения; редукция безударных гласных в нем проявляется в гораздо меньшей степени, чем в русском: меняется лишь безударный [o] в сторону закрытости („уканье”); остальные *гласные более стабильны*, и фонетическое слово болгарского языка более устойчиво в своем

звуковом оформлении в речи⁶; *второстепенное ударение в сложных словах следует за главным* (в русском языке – наоборот).

Английское слово в звуко-ритмическом отношении отличается от русского *мноgeverшинностью*: в зависимости от морфологической структуры в нем возможны два или несколько главных ударений и частая реализация второстепенных ударений в префиксальных и суффиксальных образованиях, причем второстепенные ударения не подвержены утрате, как в русском слове, стремящемся к сильноцентрированной одновершинности. Безударные слоги в английском слове могут редуцироваться по отношению как к главному, так и к второстепенным ударениям; *безударных звукотипов немного*: [ə], [ɪ]. Русский безударный вокализм в большей степени системен и предсказуем.

Как видим, *специфика русского вокализма* по отношению к различным акцентным языкам заключается прежде всего в системе *качественно-количественной редукции безударных гласных*, обеспечивающей общий фонетический облик русского слова.

Проблема функционирования признака *вокалической долготы* также относится к типологическим особенностям звукового строя. Во многих европейских языках (чешский, словацкий, сербохорватский, словенский, венгерский, немецкий, английский) различаются на сегментном уровне *долгие и краткие гласные фонемы*, а также *дифтонги*, равнозначные по длительности долгим гласным, при этом гласные в речи не меняют своего качества.

В русском языке *просодический признак длительности функционирует только на супraseгментном уровне* и является фонетической *характеристикой ударного слога*, который с изменением места в слове меняет и весь общий фонетический облик слова. Динамический признак не обязателен в русском ударении и больше используется во фразовой интонации, как и признак тона, который целиком относится к интонации (хотя при взаимодействии словесной и фразовой просодики значимые характеристики интонационного центра синтагмы реализуются именно в ударном слоге). В связи с этим в русском слове *только один слог несет вокалическую долготу* (при отсутствии второстепенного ударения), и эта долгота значима, так как указывает на место ударения, тогда как в ряде языков долгие гласные могут встречаться и в безударных слогах, например, в чешском: *l'ekař* [l'ɛ:kař] – *l'ekárna* [l'ɛ:ka:rna], *ruka* [r'uka] – *rukáv* [r'uka:f].

Таким образом, *не только тембровые характеристики* ударных и безударных гласных, но и *их просодические признаки* функционируют по-разному в акцентных европейских языках, где словесное ударение может быть по преимуществу длительным (как в русском), динамическим (как в немецком, болгарском и других языках) или музыкальным (как в сербохорватском или словенском языках). Для ритмической структуры слова многих европейских языков акцентного типа *не характерна сильная центрированность ударе-*

⁶ Т.М. Стоева, *Русская фонетика*, София 1993, с. 57–65, 158–160.

ния с качественной редукцией гласных, поэтому для носителей этих языков изменчивость звуковой формы русского слова в зависимости от ударения и несовпадение написанного и звукового облика слова составляет потенциальные трудности.

Другая характерная черта русского вокализма обусловлена *комбинаторными изменениями гласных* в потоке речи в связи с коартикуляцией, свойственной любому языку, но проявляющейся по-разному из-за особенностей фонологической системы. И здесь сказывается единство гласных и согласных, о котором шла речь выше. Имеется в виду явление *аккомодации*, которое в русском языке определяется категорией твердости-мягкости согласных.

Палатализация согласных, свойственная преимущественно славянским языкам, проявляется в них по-разному с точки зрения количества коррелятивных пар согласных фонем, их дистрибуции, роли в смысловом различии. В общefonетическом плане палатализация и контрастная ей веляризация квалифицируются как *дополнительные артикуляции*, причем палатализацию можно считать почти универсальной перед [i], где согласные выступают в виде полумягких, что не имеет отношения к смысловому различию. Перед другим передним гласным – [e] – эта артикуляция далеко не универсальна. Однако возможная *фонологизация* этой артикуляции, превращение ее в коррелятивный дифференциальный признак, противопоставленный веляризации, может *усилить артикуляционные различия* коррелятивных фонем для обеспечения их надежного распознавания.

Возможно, так это произошло в русском языке, где категория твердости-мягкости охватывает сейчас 30 „парных” фонем из 36, а „непарные” обладают артикуляционно четко выраженным признаком мягкости (ч, щ) или твердости (ж, ш, ц). Все парные фонемы различаются перед всеми 5 гласными (МФШ); передние [и], [е] после твердых реализуются в передних вариациях [ы], [э] (фонологи ЩФШ считают [ы] самостоятельной шестой гласной фонемой), которые перед мягкими согласными приобретают дифтонгоидность с более передним конечным участком. Непередние [а], [о], [у] рядом с мягкими продвигаются вперед, изменяя не только ряд, но и огубленность (*явление аккомодации*). Поэтому *вокалический признак ряда московские фонологи не считают дифференциальным*: он зависит от качества предшествующих согласных. В результате прогрессивно-регрессивной аккомодации все русские гласные в потоке речи характеризуются тембровой неоднородностью, особенно в окружении согласных, разных по твердости / мягкости; *при отсутствии фонологических дифтонгов на месте небольшого количества гласных фонем реализуется значительное число дифтонгоидов и трифтонгоидов*. *Фонологическая парность* проявляется в сильных позициях, а в слабых эта оппозиция нейтрализуется (но ассимиляция по твердости-мягкости постепенно уходит из языка). Однако, по экспериментальным данным второй полови-

ны XX века, *артикуляционной парностью русские твердые и мягкие согласные не характеризуются*, они „взаимно исключают друг друга в артикуляционном плане», их различия изначальны в ходе образования, «артикуляция языка и при мягких и при твердых согласных не может быть расчленена на основную и дополнительную»⁷. Кроме того, сочетаясь в речи в производительных единицах – слогах, гласные и согласные взаимно адаптируются и образуют *два артикуляционных класса звуков: передних* (гласные переднего ряда [и], [е] и мягкие согласные) *и задних* (гласные заднего ряда [а], [ы], [о], [у] и твердые согласные), – в пределах которых „согласные и гласные характеризуются однородно”⁸. Эти „сочетаемые свойства” русских гласных (Л.Л. Буланин) позволяют говорить о *двух базовых укладах в русской артикуляционной базе: твердо-заднем и мягко-переднем*, которые характеризуют последовательности гласных и согласных в речи и *исключают существование некоего „среднего ряда гласных”*, о котором применительно к [а] и [ы] часто пишут в теоретических и практических учебниках по русской фонетике. Как нет в русской фонологической системе „средних” между твердыми и мягкими согласными, так и в артикуляционной базе не может быть функционально „средних” гласных, а остаются только передние и непредние (последние достаточно сильно отодвинуты назад и включают огубленные [о], [у] и неогубленные [а], [ы], [э]). Соответственно, в ударных слогах представлена *система 7 гласных звукотипов*: двух передних ([и], [е]) и пяти непредних, – которые сочетаясь соответственно с мягкими и твердыми согласными, образуют два указанных выше артикуляционных уклада, причем *перестройка этих укладов в слове происходит именно на гласных*. Поэтому аккомодация (фонологически иррелевантная) наряду с изменением в артикуляции самих согласных является *важнейшим способом реализации дифференциального признака твердости / мягкости и полезным признаком при различении твердых и мягких фонем*⁹.

Эта ситуация на первый взгляд напоминает *небный (тембровый) тип сингармонизма* (например, в тюркских или финно-угорских языках). Однако имеется существенная *разница на уровне морфонологической организации слова*. Если в сингармонистических языках определенный тембр гласных и согласных характеризует все слово (его корень и зависимые от него в огласовке аффиксальные морфемы), то в русском слове *твёрдо-задний или мягко-передний уклад проявляется лишь в сочетании соседних гласных и согласных* („межсегментно”, по Л.Г. Зубковой) безотносительно к морфологическому строению слова и может *многократно меняться в пределах слова*: тарелка, общежитие и т. п. Таким образом, *смена тембров в сингармонистическом*

⁷ Л.Г. Скалозуб, *Артикуляторная динамика речеобразования...*, указ. соч., с. 20.

⁸ Там же, с. 21.

⁹ И.М. Логина, *Описание фонетики русского языка...*, указ. соч.

языке – свойство фонологической системы, где гласные фонемы определяют вариативность согласных, а в русском языке смена базовых укладов – свойство артикуляционной базы, где вариативность гласных определяется реализацией согласных фонем и формирует явление **аккомодации**. Фонологи МФШ называют аллофоны гласных в позициях аккомодации (условно сильных: сигнификативно сильных, перцептивно слабых) **вариациями** по их смысловозначительной силе: в вариациях не происходит смещения фонем, и носители языка их просто не замечают. Однако для иностранцев, изучающих русский язык, трудно добиться адекватного звучания фонетического облика слова, не освоив систему аккомодации. Это относится к носителям и сингармонистических языков, стремящимся к единообразию тембрального оформления слова, и других языков, которым не свойственна категория твердости-мягкости и качественные изменения гласных.

Вариативность русских гласных базируется не только на признаке ряда, связанном с твердостью-мягкостью, но и на **признаке огубленности** – самостоятельном дифференциальном признаке для гласных и зависимом, вариативном для предшествующих согласных. Огубленность фонологически лабиализованных гласных распространяется не на всю длительность гласного, а только на его первую половину; конец же гласного испытывает дистантное влияние следующего гласного, поэтому гласные [о], [у] перед неогубленными слогами **сильно делабиализуются в конце**, особенно ярко перед мягкими согласными. Это напоминает сочетание тембрового и лабиального сингармонизма ряда тюркских языков (например, киргизского) и финно-угорских (например, венгерского). Таким образом, **фонологически иррелевантное явление аккомодации гласных становится в русской артикуляционной базе существенным для постановки твердости-мягкости**. Вариативность русских гласных тщательно исследована экспериментально (работы Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой, Л.Р. Зиндера и др. с 60-х годов XX века) и используется в методике обучения РКИ¹⁰: **на месте 7 ударных звукоtypов ставятся 20 дифтонгоидных и трифтонгоидных вариаций; в безударных слогах количество вариаций сокращается на половину под действием редукации**. Таким образом, **редукция и аккомодация взаимодействуют** в русском слове, обеспечивая его адекватное восприятие и произношение. Это также является **спецификой русского вокализма** по отношению к подавляющему большинству языков, в том числе и к тем, в которых различаются твердые и мягкие согласные.

Наиболее близок русскому в этом отношении **болгарский язык**, в котором из 39 согласных фонем 17 коррелятивных пар твердых-мягких, но дистрибуция мягких ограничена **только позицией перед непередними гласными (а, у, о, ъ); в конце слога и слова мягкие отсутствуют**, поэтому смысловозначительная сила их ослаблена. Сильного артикуляционного контраста между

¹⁰ Там же.

болгарскими твердыми и мягкими нет: палатализация выступает скорее как *дополнительная артикуляция „полумягких“* согласных; *аккомодация гласных только прогрессивная* (из-за отсутствия конечнослоговых мягких) и выражена *менее ярко*, чем в русском языке. В результате и гласные, и согласные болгарского языка *более однородны* в своей артикуляции¹¹. В польском языке корреляция твердости-мягкости имеется в губном и заднеязычном локальных классах, тогда как на месте мягких шумных переднеязычных развились шипящие, поэтому коррелятивных пар твердых и мягких согласных меньше, чем в русском. В *сербохорватском* вообще нет такой всеобъемлющей корреляции: из 25 согласных всего 5 мягких, остальные – твердые.

Таким образом, типологически общая для славянских языков категория твердости-мягкости согласных по-разному взаимодействует с системой гласных и специфически проявляется в фонетическом облике слова в каждом из этих языков, что вызывает те или иные акцентные особенности в русской речи при изучении РКИ.

Несколько слов о *сочетаемости вокалических единиц*. В „консонантном“ русском языке вокалическая сочетаемость широко распространена как *внутри слова* (только двусоставные сочетания), так и *на стыке слов* (возможны и трех-четырёхсоставные сочетания), и почти не имеет ограничения, кроме закона редукции и узкой дистрибуции гласного [ы]. Исконной русской лексике сочетания гласных свойственны только *на границе морфем*, в многочисленных заимствованиях имеются и *внутриморфемные сочетания*.

Поскольку в русском языке *нет дифтонгов*, каждый гласный является слогаобразующим, поэтому второй гласный всегда составляет отдельный неприкрытый слог и *не допускает второй степени редукции*, что особенно важно для гласных [а] и [о]: *наоборот* [нлл-'], *соотносительный* [слл-'], *вообразить* [влл-'], *поодиночке* [плл-'], *кооперация* [клл-'], *зоологический* [злл-'], *реакционный* [р'ил-'], *национализм* [нъцыл-'], *дуалистический* [дул-'] и т. п. *Аккомодация* в русских вокалических сочетаниях *только регрессивная*: *театр* [т'и^б'атр], *киоск* [к'и^у'оск], *триумф* [тр'и^у'умф]; *поэт* [пл''ет], *дуэт* [ду''ет], *пациент* [пъцы''ент] и т. п. Произносятся русские вокалические сочетания с *плавным переходом* от одного гласного к другому, без консонантных вставок, в том числе без твердого приступа, что затрудняет нерусских: *соус* (ошибка: *[со:'с]), *двуопись* (ошибка: *[дво:к'ис']), *ООН* (ошибка: *[?о?он]), *наука* (ошибка: *[на?ука]) и т. п. Ср., например, в немецком языке обязательный Knacklaut перед вокалическим началом морфемы: *guten* [ʔ]Abend 'добрый вечер', *dieser* [ʔ]Ober[ʔ]arzt 'этот главврач', – это *устраняет ресиллабацию* (характерную для русского языка) и ведет к *прерывности потока речи* (для русской речи это неприемлемо: *этот автобус уже ушел* [е-тъ-таф-то-бу-су-жэ-у-шол]).

¹¹ Т.М. Стоева, указ. соч.

В произношении иностранцами русских мягких согласных и [j] (в его сильной и слабой разновидностях) из-за [j/i]–образной вставки нередко возникает дифтонг или ошибочное *вторичное вокалическое сочетание* типа: *трѣх* [*тр^hох], *пьют* [*п^hут] и т.п. С другой стороны, в русской речи интервокальный согласный [j], особенно в заударных слогах, часто редуцируется до нуля, приводя к нормативной вторичной сочетаемости гласных, очень частотной в русском языке, благодаря ее морфологизации, например: *думает* [‘-мьит], *первые* [‘-выи], *делая* [‘-лъя], *каждую* [‘-дуѵ], *падающий* [‘-дъѵ-] и т. д. Это *одна из самых специфических характеристик русской артикуляционной базы*, приводящая порой к дифференциации значений: *лёд* – *льёт*, *сел* – *съел*, *сем’и* – *семь’и* – *с’емьи*, *в’ойны* – *в’оины*, *рейд* – *р’еет*, *свай* – *св’аи* – *сво’и*, *тайм* – *т’аем* – *та’им*, *гер’ой* – *гер’ои*, *муз’ей* – *муз’еи*, *армий* – *армии*, *с’амый* – *с’амые*, *игр’айте* – *игр’аете* и т. п. На эту особенность русской артикуляционной базы указывала еще Е.А. Брызгунова в 60-ые годы XX века применительно к части этих противопоставлений: *та* – *тя* – *тья*, которые стали потом обязательной составной частью всех вводно-фонетических курсов РКИ. Но *полный ряд оппозиций односложных и двусложных звуковых последовательностей с гласным [и] и согласным [j]* выглядит так: *та* – *тя* – *тья* – *ти’я* – *т’ия* – *ти’а* – *т’иа* – *тай* (*тяй*) – *та’и* (*тя’и*) – *т’аи* (*т’яи*) и то же в безударных слогах¹². Как видим, в этом фрагменте артикуляционной базы сконцентрированы главные фонетические признаки спонтанной русской речи: реализация твердости / мягкости, ударности / безударности, сильной / слабой вариации [j], вокалической сочетаемости и ритмической модели русского слова.

В заключении хочу напомнить одно высказывание Н.С. Трубецкого о характере русского звукового строя: „Русская фонетика основана на игре двух резких противопоставлений: противопоставления ударяемых гласных безударным и противопоставления мягких согласных твердым”¹³. Здесь Н.С. Трубецкой подчеркивает связь фонологии и фонетики, вокализма и консонантизма, единство сегментного и супraseгментного, приводящее к неразрывности комбинаторного и позиционного варьирования звуковых единиц. Таким образом, Н.С. Трубецкой подметил самые специфические черты в артикуляционном оформлении русского слова в отличие от фонетической организации базовой единицы в других языках.

¹² И.М. Логинова, *Описание фонетики русского языка...*, указ. соч.

¹³ Н.С. Трубецкой, *Общеславянский элемент в русской культуре* (1927), „Вопросы языкознания” 1990, № 3, с. 28.